

Щедрый дар

Шангуань Цюэ вернулся в Лоян в самом конце года, когда свинцовые тучи уже были готовы разразиться снегом.

Постоялый двор, где он остановился, стоял на отшибе, в пустынном месте. Зимние ночи были длинными, и когда на рассвете прокричали петухи, вокруг всё ещё стояла тьма. Лишь тонкий серп луны бледнел в небе, а каменный мост покрылся слоем белого инея.

Проснувшись, он почувствовал на щеке и подушке что-то липкое и холодное. Зажёл светильник, посмотрел в зеркало — так и есть, снова пошла кровь из носа. Он велел принести таз с холодной водой и похлопал себя по затылку. Зима на севере была сухой, и за время пути он уже привык каждое утро просыпаться с запахом крови в носу.

Копыта лошади скользили по густому инею. Едва пропели петухи, молодой человек покинул постоялый двор и, ведя коня в поводу, перешёл через мост.

По пути ему встречалось много знакомых. Узнав, кто он такой, они сменили полугодовой давности насмешки на сочувствие и жалость. Великий пожар дотла уничтожил старинное поместье семьи Шангуань в Цзиньлине, которому было более сотни лет. В огне не выжил никто, не осталось ни одного целого тела.

Снова ступив на родную землю, он не почувствовал, что душа его вернулась в родные края. Сгоревшее дотла поместье из-за того, что он покинул его много лет назад, в памяти тоже стало несколько размытым.

Он с детства редко плакал. Когда в тринадцать лет он уезжал из Цзиньлина, даже его сдержанный отец проронил несколько слезинок от нежелания расставаться, не говоря уже о матери, которая почти ослепла от слёз, беспокоясь, будет ли он сыт и тепло ли ему будет спать. Он же не испытывал ни капли тревоги. Мать тогда удивлялась, неужели все его слёзы впитала родинка-слезинка под правым глазом?

Он просто не видел в этом смысла. Разве слёзы могут что-то изменить? Особенно в последние годы он всё чаще убеждался, что они лишь подчёркивают собственное бессилие.

Шангуань Цюэ заказал более пятидесяти гробов и своими руками укладывал в них обугленные останки разной длины. Сначала он ещё держался, но когда поднял совсем лёгкое и короткое тельце и понял, что это его младшая сестра, которую он видел всего несколько раз, слёзы хлынули без предупреждения. Каждый год мать, невзирая на тысячи ли пути, привозила младших детей в Линьси, чтобы он мог увидеть, как растут и меняются эти маленькие человечки.

Обугленная плоть, облепленная трупным жиром, лежала на его ладонях. Она была совсем лёгкой, даже легче, чем его меч.

Слёзы текли непроизвольно. Лишь когда все тела были уложены в гробы, он осознал, что в этом мире больше никогда не увидит своих немного наивных младших братьев и сестёр, которые без умолку звали его «старший брат», своих родителей, чья любовь друг к другу была почти приторной, и слуг, на глазах у которых он вырос.

Убийца, устроивший резню в поместье Шангуань, сначала расправился со всеми членами семьи. Судя по пепелищу, в комнате, где были найдены тела его родителей, столы и стулья не были перевернуты — всё стояло аккуратно. Из этого следовало, что преступник был знаком его родителям, причём настолько близко, что они согласились встретиться с ним поздно ночью наедине в одной комнате.

Его отец всегда был осмотрителен. Людей, по-настоящему близких к семье Шангуань, было немного, так что круг подозреваемых был невелик. Все они были старыми друзьями, и, желая как можно скорее дать семье Шангуань ответ, охотно отвечали на вопросы.

Один известный каллиграф даже с глубоким сожалением передал девятнадцатилетнему юноше свиток со своим мастерством. На хрупкой, впитывающей тушь сюаньской бумаге было всего два иероглифа.

Его отец был человеком предусмотрительным и начал готовиться к церемонии совершеннолетия сына за полгода: составлял список гостей, решал, устраивать ли семейный ужин или большой пир в ресторане, и даже заранее выбрал для него второе имя.

Судя по времени, ни у кого из тех людей не было подозрительных моментов.

К середине двенадцатого месяца, когда всё было улажено, холод в Цзиньлине, казалось, пробирал до самых костей. Он устал от бесконечных разбирательств и не хотел больше иметь дела с родственниками, жаждущими урвать кусок от огромного наследства. Закончив всё необходимое, он, закутавшись в плащ, отправился в Лоян сквозь снежную бурю.

Хотя бы этот Новый год он хотел провести вместе с Хань Линем.

В Лояне вдоль улиц громоздились сугробы, а в воздухе плыл аромат жареной рыбы — люди готовились к праздникам. Оставив багаж, Шангуань Цюэ пешком отправился на тренировочную площадку.

Ему сказали, что Хань Линь находится там, и при этом собеседники многозначительно переглянулись и заулыбались.

Сердце Шангуань Цюэ необъяснимо сжалось, а затем он услышал совет подождать в главном

зале, мол, тот всё равно скоро вернётся.

Он на словах согласился, но под предлогом покупки зимних постельных принадлежностей вышел на улицу и направился к тренировочной площадке, чтобы всё выяснить.

Идти было недалеко. По дороге он услышал, как женщина ругает ребёнка за то, что тот извалялся в снегу и испачкал новую одежду. Малыш басовито ревел, а женщина, хоть и сохраняла гневный вид, уже уговаривала его: «Не плачь, не плачь, обед готов, пойдём домой».

Обычно Шангуань Цюэ не обращал внимания на подобные бытовые сцены, но на этот раз он замер, словно случайный соглядатай, и стоял на месте даже тогда, когда женщина с ребёнком скрылись из виду.

На улице стоял мороз, и на тренировочной площадке было почти пусто. Хань Линя там не оказалось. Расспросив нескольких человек и не получив внятного ответа, молодой человек принялся обыскивать каждый уголок.

Ему повезло. В третьем же месте он увидел знакомую спину. Широкоплечий юноша, казалось, стал ещё выше. Шангуань Цюэ невольно залюбовался им и улыбнулся.

Там стояли качели, увитые засохшими лианами. Похоже, это была глициния, и весной здесь должно было быть невероятно красиво.

Хань Линь, скрестив руки на груди, прислонился к опоре качелей и разговаривал с высокой девушкой, которая, стоя на сиденье, плавно раскачивалась. Они находились очень близко друг к другу, и Хань Линь слегка наклонялся в её сторону.

Он немного повернул голову, и Шангуань Цюэ мельком увидел выражение его лица.

«Почему люди, видя того, кто им нравится, не могут сдержать улыбку?»

Дыхание замерло на долгое время. Он весь похолодел и долго стоял за стеной, не сводя глаз с Хань Линя.

Тот не замечал пристального взгляда, прикованного к его спине.

Это было неправильно. Реакция юноши всегда была мгновенной, а предчувствие — точным, это было не в его правилах. Если бы он хоть на миг отвлёкся, хоть раз обернулся... Но он не хотел.

Для Хань Линя их встреча произошла позже в саду. Он радостно бросился обнимать своего старшего брата, но почувствовал, что тот совсем холодный.

— На улице сильный ветер, — с улыбкой сказал Шангуань Цюэ.

Вечером, поскольку комната гостя ещё не была готова, он остался у Хань Линя. За последние месяцы тот успел побывать в Чанъане. Владыка Павильона высоко ценил его, он быстро рос в должностях, и остальные признавали его заслуги, так что по возвращении он переехал из общей казармы.

Постельные принадлежности Шангуань Цюэ так и забыл купить, но Хань Линь не возражал и предложил лечь под одно одеяло. Пока они не заснули, он рассказывал о своих впечатлениях от Чанъаня: о паре из Лояна, чьи имена совпадали с названиями сортов пионов, и у одного из них волосы были короткими и кудрявыми; о девушке, чья игра на флейте была полна горечи, но заставляла людей смеяться; о том, что в Чанъане кто-то готовит необычайно вкусно, и в следующий раз он обязательно возьмёт старшего брата с собой и познакомит с ним.

Он упомянул, что снова видел в Чанъане «Ласточку», и что глава Ордена Безмолвных Цикад — человек суровый, настоявший на том, чтобы он продвигался шаг за шагом, отчего жизнь его была полна тягот. Рассказал, что Владыка Павильона Цзян относится к нему хорошо, и что благодаря нескольким смертельным схваткам он познакомился со многими братьями в Павильоне и как-нибудь обязательно представит их старшему брату.

Шангуань Цюэ смотрел на него, слушал эти рассказы, и на его губах всё время играла лёгкая улыбка.

— А ещё что?

— За эти месяцы в Павильоне больше не было никаких важных событий, — Хань Линь зевнул и перевернулся на бок, собираясь уснуть.

— А у тебя?

Юноша на мгновение замолчал — то ли уже засыпал, то ли колебался. Наконец, донёсся его голос:

— Ничего. Всё было довольно скучно. Старший брат, не волнуйся, мне уже восемнадцать, меня не так-то просто обмануть.

— Вот и хорошо, — глаза Шангуань Цюэ потемнели. Он спрятал лицо в одеяло и придвинулся ближе, коснувшись лбом тёплой спины друга.

— Цзюэ.

— Что? — переспросил тот сонным голосом.

— Шангуань Цзыюэ. Это второе имя, которое дал мне отец. Спи.

Ту девушку звали Хуа Цзянься. Она была на год старше Хань Линя и родом с северо-запада. Её отец был мародерствующим всадником, и она с детства мастерски владела пастушьим кнутом. После смерти отца она скиталась по свету, зарабатывая на жизнь. В шестнадцать лет в Цзянлине её обесчестил некий купец по фамилии Сюй, и она собственноручно вырезала всю его семью — двадцать человек. Два года назад она вступила в Павильон Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя, но служила в Павильоне Дождя в Чанъане. Хань Линь познакомился с ней в десятом месяце, когда был там.

Находясь в одной компании, он по большей части не смотрел на неё. И сколько бы пронизательные окружающие ни подшучивали над ними, юноша лишь отмалчивался или с улыбкой просил не порочить доброе имя девушки. Постепенно интерес к сплетням угас, и все решили, что просто ошиблись в своих догадках.

Но Шангуань Цюэ знал, что Хань Линь настроен серьёзно.

Шангуань Цюэ никогда не любил спать в общей казарме, поэтому Хань Линь предложил ему жить вместе — благо кровать была широкой. В Линьси, в домике за горой, они полгода спали на одной постели, и Хань Линь не видел в этом ничего предосудительного.

Благодаря этому Шангуань Цюэ знал, что, когда Хань Линь поздно ночью тихо возвращался и ложился спать, от него каждый раз пахло разными цветами. Если он не ошибался, юноша на каждое свидание покупал цветы, чтобы подарить их Хуа Цзянься, совсем как его отец делал для матери.

По ночам, сидя за столом и сочиняя письмо, Хань Линь выводил иероглифы осторожнее, чем когда-либо на экзаменах.

Позже Шангуань Цюэ несколько раз сталкивался с Хуа Цзянься. Её мрачный характер был виден невооруженным глазом, а учитывая кровавое прошлое, люди старались обходить её стороной. Но Шангуань Цюэ не верил, что человек, мрачный от природы, стал бы так высоко раскачиваться на качелях.

К тому же она была красива яркой красотой, решительна и умела заботиться о других — неудивительно, что Хань Линь влюбился.

Когда шутки прекратились, Хань Линь и Хуа Цзянься стали вести себя более открыто, и улыбка едва не сходила с его лица. К этому времени Шангуань Цюэ уже наблюдал за ними со стороны, совершенно не беспокоясь.

Он отчетливо замечал, что в этой двусмысленной близости на лице Хуа Цзянься всегда проскальзывала тень неловкости.

Он разгадал её: это она с самого начала не хотела афишировать их отношения.

К счастью, даже в самом начале, когда голова идет кругом, эта девушка сохранила толику здравого смысла.

Но Хань Линь этого не замечал. Он всё так же серьезно относился к происходящему, с пылом выбирал подарки и приглашал её на поединки.

Как только Хань Линь прибыл в Лоян, Владыка Павильона Цзян вызвал его на состязание в технике сабли.

Это называлось поединком, но на самом деле Цзян Шуйянь безжалостно рубил его своим практичным и смертоносным клинком. Хань Линь, хоть и провёл три месяца в боях в Чанъане, всё же уступал Владыке, который с юности выживал среди гор трупов. Его ударам не хватало жажды убийства, и он проиграл десять боёв из десяти.

Цзян Шуйянь не только побеждал, но и всю хвалился своим превосходством, раздувая каждую мелкую ошибку Хань Линя до смертельно опасной. Даже Шангуань Цюэ в своё время не так подрывал его боевой дух. В конце концов, юноша со своим добрым нравом не на шутку разозлился и перестал сдерживаться, забыв, что это всего лишь тренировка.

Так они каждый день превращали тренировочную площадку в поле битвы, и лишь изредка Цзян Шуйянь бросал:

— Вот это уже неплохо. Только взгляд сделай острее, и желай убить меня ещё сильнее!

Хань Линь думал, что трагедия гибели клана сделала Цзян Шуйяня холодным и мрачным, но оказалось, что у того был довольно ехидный характер и страсть к насмешкам.

На просторной тренировочной площадке он всегда загонял Хань Линя в угол, приставлял остриё клинка к его горлу и, глядя на его вынужденно задранный подбородок и разгневанное лицо, с усмешкой говорил:

— Придумай-ка мне просьбу о пощаде, отличную от прежней.

План нападения на Култ Красного Вэй всё ещё дорабатывался. Неожиданно Владыка Павильона Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя поручил командование своей частью операции Шангуань Цюэ. На того легла огромная ответственность, и он целыми днями просиживал в Павильоне Светильника, обсуждая подробности с советниками из разных школ.

В день своего двадцатилетия Шангуань Цюэ ужинал с Хань Линем — это была одна из бесчисленных встреч, устроенных Лоянским отделением. В разгар застолья Хань Линь вдруг хлопнул себя по лбу:

— Четвёртое число четвёртого месяца, сегодня же твой день рождения, старший брат! Вот же моя память.

Он никогда не отличался вниманием к деталям. К многим вещам, которые другие считали важными, он относился небрежно. Он даже свой день рождения не всегда помнил.

Шангуань Цюэ был так занят, что потерял счёт дням, и только сейчас вспомнил, что сегодня действительно его праздник.

Не успел он ответить, как Хань Линь уже вскочил и потащил его за собой, бросив остальным: «Мы уходим».

Шангуань Цюэ плохо переносил алкоголь. Когда Владыка Павильона подошёл с тостом, он с трудом выпил две чаши, и у него тут же закружилась голова. Он почти ничего не ел. Вино притупляло чувства. Когда Хань Линь вытащил его на улицу, он только через некоторое время сообразил спросить:

— Мы не возвращаемся?

Хань Линь тоже выпил немало — на пирах все любили его спаивать. Он шёл нетвёрдой походкой, озираясь по сторонам, и пьяно пробормотал:

— Отметим твой день рождения.

— Не нужно, не нужно, — Шангуань Цюэ не придавал значения своему дню рождения. У него кружилась голова, и он хотел только одного — отдохнуть.

Но юноша настаивал и упрямо тянул его за собой.

Было поздно, почти все лавки уже закрылись. Но Хань Линь принялся стучать в одну из дверей, пока внутри не зажётся свет. Хозяин, сняв дверные доски, впустил их.

Хань Линь усадил друга за стол, а сам пошёл переговорить с хозяином. Вернувшись, он принёс чайник и налил по чаше себе и Шангуань Цюэ.

Тот насилу выпил полчаши, и в голове немного прояснилось.

Вскоре хозяин принёс миску лапши долголетия.

Раньше, в Линьси, каждый раз на день рождения госпожа Шангуань посылала слугу, который, невзирая на тяготы пути, привозил сыну на гору миску такой лапши. Одна-единственная

бесконечная лапша в миске была молитвой о долголетию первенца.

Хань Линь поставил чашу, вытер палочки и протянул их старшему брату, а сам пошёл расплачиваться.

За то, что хозяйина разбудили среди ночи, пришлось дать щедрые чаевые. Хань Линь был пьян, и у него двоилось в глазах, так что он долго пересчитывал монеты. Когда он вернулся, Шангуань Цюэ так и не притронулся к еде, лишь сидел, сжимая палочки и глядя в миску.

— Ешь, пока горячая, — сказал Хань Линь. — В прошлом году на мой день рождения Владыка Павильона Цзян тоже притащил меня сюда есть эту лапшу. Это старое, известное место. У Владыки, как и у тебя, в семье принято в такой день съесть миску лапши.

Едва он договорил, Шангуань Цюэ взял палочки и, даже не пережёвывая, быстро съел всё до конца.

Хань Линь, подперев голову рукой, вздохнул:

— Как быстро.

Он с улыбкой взял старшего брата за руку и потянул его за собой. То ли он был пьян и не рассчитал силы, то ли что, но Шангуань Цюэ, поднимаясь, пошатнулся и довольно тяжело навалился на него, так что юноша едва устоял на ногах.

Ночной воздух был прохладен, как вода. По дороге обратно голова у Хань Линя отяжелела, и он вдруг спросил:

— Я очень наивный?

— Почему ты спрашиваешь? — Шангуань Цюэ задал этот вопрос, прекрасно зная ответ.

«Значит, расстались», — подумал он.

Хань Линь понуро покачал головой, пробормотав, что ничего особенного. А затем добавил:

— Завтра я возьму выходной и схожу поищу что-нибудь... Какие вещи тебе нравятся? Я выберу тебе подарок.

— Между нами это ни к чему. Этой миски лапши достаточно. Сейчас все заняты, и все знают, что Владыка Павильона Цзян тебе потакает, не стоит давать повода для лишних разговоров.

Услышав это, Хань Линь понял, что не стоит говорить формальности, и согласился.

В тот год Хуа Цзянься пробыла в Лояне только до начала третьего месяца, а потом вернулась в Чанъань.

Шангуань Цюэ догадался об этом еще тогда, а сегодня вечером получил окончательное подтверждение.

Он поднял голову к звёздному небу и пьяно подумал:

«Этот подарок пришёлся мне по душе».

После этого года два Хань Линь, очевидно, пытался её вернуть, как-то наладить отношения. Но женщина, которая тебя не любит, способна на крайнюю жестокость.

Он предполагал, что письма, которые Хань Линь посылал в Чанъань, Хуа Цзянься читала не так внимательно, как он сам.

В отличие от того времени, когда они жили вместе, Хань Линь теперь сначала писал черновик, а потом аккуратно переписывал его набело. Черновики в тот же вечер комкались и летели в мусорную корзину, так что найти их не составляло труда. Чтобы перехватить письма, летящие в Чанъань, действительно пришлось приложить немало усилий, но, к счастью, Хань Линь не запечатывал их сургучом.

Только почему он тогда так пренебрежительно отозвался о манере Шангуань Цюэ разговаривать с наставником? Пыл и слащавость в его первых любовных письмах, а затем унижение, попытки ухватиться за ускользающую суть, бесконечные мольбы — всё это вызывало куда большее недоумение, чем их прежнее общение.

Несчастливая первая любовь не слишком надолго выбила Хань Линя из колеи. Как самая большая надежда Павильона Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя, он принял участие в уничтожении Культа Красного Вэй, и его вклад был значительным.

Когда на кону стояла жизнь, он не мог отдавать слишком много сил чувствам.

В тот год на Праздник драконьих лодок воины цзянху ворвались в логово Культа Красного Вэй. Неожиданно для всех, каждый, желая прославиться, сражался с невероятной отвагой. Видя неминуемое поражение, адепты культа подожгли гору, и над ней поднялись клубы густого дыма.

Заметив пожар, многие поспешили назад. Шангуань Цюэ с остальными держал выходы с горы, но Хань Линя среди вернувшихся так и не увидел. Все говорили, что он повёл людей в самое сердце вражеского гнезда.

Пожар на горе был слишком сильным. Те, кто сумел выбраться, получили ожоги.

Шангуань Цюэ смотрел на разгоравшееся вдали пламя, и его сердце билось всё быстрее. Неужели пожар в поместье Шангуань в прошлом сентябре выглядел так же?

Он больше не мог ждать и бросился в огонь против потока людей. Цзян Шуйянь попытался его остановить:

— Подумай хорошенько. Если ты сейчас пойдёшь туда, можешь не вернуться.

— Я верну его, — твёрдо сказал Шангуань Цюэ.

Владыка Павильона Цзян пристально посмотрел на него и со вздохом уступил дорогу.

Молодой человек участвовал в разработке плана нападения и знал эту гору до мельчайших подробностей. По пути он всматривался в тела на земле и в лица тех, кто бежал ему навстречу, но Хань Линя среди них не было. Все уговаривали его вернуться, говорили, что внутри бушует пекло. Он качал головой, благодаря за заботу, и продолжал идти вглубь пламени.

Он не хотел после всего этого собирать останки Хань Линя, так же изуродованные огнём. Такой боли было достаточно одного раза.

У входа в пещеру, заваленного телами знакомых людей, он услышал звонкий лязг клинков, и его сердце наконец успокоилось — он узнал звук сабли друга. Обнажив меч, он шагнул внутрь, чтобы помочь тому поскорее покончить с врагом.

Оба сражавшихся заметили его появление и обернулись. Шангуань Цюэ первым делом посмотрел на Хань Линя. Увидев, что тот невредим, он с облегчением вздохнул, но заметил, что юноша смотрит на него, нахмутив брови.

Затем его взгляд сместился на человека, которого он не видел много лет.

— Наставник? — неуверенно произнёс Шангуань Цюэ, глядя на противника Хань Линя.

Тот был весь покрыт кровавыми ранами от сабли и, увидев его, словно ухватился за спасительную соломинку.

— Цюэ, спаси меня! — воззвал он знакомым голосом.

— Старший брат, он — глава Культа Красного Вэй. Не вмешивайся. Я сам с ним разберусь, — Хань Линь нанес Ао Чжуню ещё одну рану и, стиснув зубы, добавил: — Он просто нелюдь.

Ао Чжунь продолжал молить.

— А-Линь, когда ты его одолеешь, оставь ему жизнь, — сказал Шангуань Цюэ, убирая меч в ножны.

— Старший брат! Ты даже не представляешь, что он мне только что наговорил!

Шангуань Цюэ опустил голову, и его колени внезапно подогнулись. Он опустился на колени.

— Просто оставь ему жизнь, хорошо? У меня больше никого нет. Он был со мной почти десять лет, он мне как родной. Оставь ему жизнь, выколи глаза, отрежь язык — делай что хочешь. Только сохрани ему жизнь, оставь мне хоть какую-то память о прошлом.

— Старший брат! Да знаешь ли ты...! — кадык Хань Линя несколько раз дёрнулся. Наконец он отвернулся и решительно произнес: — Сегодня он должен умереть. Я убью его ради твоего же блага.

И тут же, воспользовавшись моментом, когда Ао Чжунь умолял о пощаде, он вонзил саблю прямо ему в сердце.

Шангуань Цюэ бессильно закрыл глаза.

Хань Линь, не тратя времени на слова, вытер брызнувшую на лицо кровь, схватил Ао Чжуня за волосы и одним ударом отсек ещё моргающую голову. Другой рукой он вцепился в запястье Шангуань Цюэ и потащил его из задымлённой пещеры. Обхватив его за талию, он с помощью легкого шага пронёсся через пламя, швырнул голову в огонь и помчался к выходу.

Огонь преградил путь. Хань Линю ничего не оставалось, кроме как броситься к ближайшему утёсу, защищенному от пожара.

Незаметно на небе возшла луна. Вокруг всё было охвачено пламенем — к утру от этой горы, вероятно, останется лишь пепел.

Шангуань Цюэ всю дорогу молчал, как марионетка, позволяя другу тащить себя. Наконец они остановились на дереве у края утёса. Хань Линь стоял на ветке, наблюдая за пожаром вдали.

— Здесь должно быть безопасно. Когда огонь утихнет, нас спасут, — сказал он.

Видя, что тот всё так же молчит, опустив голову, Хань Линь поджал губы. Он несколько раз открывал рот, но так и не смог заговорить.

Как Шангуань Цюэ мог не знать того, о чём тот молчал?

В деле о резне в поместье Шангуань проверили всех живых, и у всех было алиби.

Значит, оставался только один человек — тот, кого считали мёртвым.

Он с самого начала подозревал, что его семью убил Ао Чжунь, его наставник, проживший в их доме почти десять лет.

Та половина тайного учения, которой он его научил, при ближайшем рассмотрении была пропитана злом. Позже он понял: его собственный талант превосходил талант наставника, так как же тот мог создать такое изощрённое искусство? Чем больше он размышлял, тем больше убеждался, что это учение было порочным и очень походило на легендарную первую часть писания в руках главы Культа Красного Вэй.

О второй половине ходили лишь туманные слухи. Чтобы не спугнуть врага, он скрывал свои подозрения. Последние полгода он тайно разыскивал след Ао Чжуна через связи Павильона.

Вероятно, Ао Чжунь, чтобы разъярить Хань Линя и найти брешь в его защите, рассказал ему об этом во время боя.

Но он плохо знал этого преданного ученика своего старшего брата. Хань Линь был слишком основателен, его пять месяцев закалял сам Цзян Шуйянь, и каждый его удар был нацелен на смерть. К тому же он был глубоко привязан к человеку, чью семью вырезал этот старик. С того момента, как Ао Чжунь признался, Хань Линь не мог оставить его в живых.

Наставник, который был рядом почти десять лет, оказался убийцей всей его семьи — это было слишком жестоко. Хань Линь, боясь причинить другу боль, решил скрыть правду. Как Шангуань Цюэ мог этого не знать?

Его ждало блестящее будущее. Если бы стало известно, что его учитель — глава преступного культа, это вызвало бы позор и закрыло бы ему путь в цзянху. Хань Линь, чтобы не допустить этого, отрубил голову Ао Чжуна и бросил её в огонь, уничтожая все следы. Как Шангуань Цюэ мог этого не знать?

Он был даже немного удивлен тем, насколько предусмотрительно юноша поступил ради него.

Ао Чжунь заслуживал смерти, заслуживал тысячи порезов.

Оставить ему жизнь, чтобы выведать тайны того учения...

Но эта надежда была ничтожной, и этот довод не убеждал даже самого Шангуань Цюэ.

Тот человек был с ним с детства, учил его всему. Столько лет вместе. За последние годы Шангуань Цюэ потерял слишком много и в отчаянии пытался ухватиться хоть за что-то.

Когда Ао Чжунь молил о пощаде, взывая к прошлому, он на мгновение проявил слабость и едва не позволил ему бежать. К счастью, Хань Линь сохранил ясность ума и отомстил за его семью.

— Старший брат, Ао Чжунь этого не заслуживает, — слова Хань Линя прервали его размышления.

На верхушке дерева, под полной луной, в окружении отблесков пожара, похожего на руины прекрасного сна, Шангуань Цюэ поднял глаза и встретился с ним взглядом.

— Старший брат, считай меня своей семьёй, своим родным братом, — Хань Линь крепко сжал его руку. Браслет из красных бобов на его правом запястье был алым, словно кровь сердца.

В глазах юноши отражался лунный свет.

— С этого дня, что бы ты ни делал, я буду рядом с тобой.

Словно небеса сжалились над ним: за ту каплю проявленного милосердия он получил самое драгоценное обещание.

<http://bllate.org/book/15990/1443441>